

Загадка Шекспира

Ютта ДУМ-ХАЙЦМАН.

«ЦАЙТ-МАГАЦИН», ГАМБУРГ.

ПРОЛОГ

«**Е** СЛИ БЫ мы могли выбирать между неизвестной драмой Шекспира и квитанцией, полученной им в прачечной, мы без колебаний отдали бы предпочтение грязному белью», — с тяжелым вздохом произнес как-то английский писатель Энтони Бёрджесс, который, как и все биографы Шекспира, стремился разгадать загадку, вот уже несколько столетий мучившую шекспироведов: кто же был Уильям Шекспир?

Ибо этот величайший драматург человеческой цивилизации, сочинитель первоклассных сонетов; циничный, холодный, жестокий и в то же время мягкий, нежный, сострадающий; мудрый и необразованный, остроумный и

печальный, перо которого до сих пор не превзойдено ни одним писателем, — этот гений не оставил после себя ничего, что доподлинно написано его рукой, кроме нескольких подписей, в том числе под очень сухим завещанием. Нет ни одного портрета драматурга, при создании которого он, по достоверным сведениям, позировал бы художнику; ни одного бюста, созданного скульптором в его присутствии. Нет воспоминаний друзей, почти нет писем, нет даже анекдотов, ходивших о нем в течение жизни. Нет ничего, кроме его пьес, но даже в их отношении нет подлинной уверенности в авторстве: многие из них испорчены, сокращены или переработаны, в некоторых перепутаны страницы.

Есть лишь несколько подлинных документов: метрическое свидетельство, документы о покупке, платежные извещения налоговых органов, списки актерских трупп, завещание. Это те маленькие крупинки истины, к которым со вздохом облегчения устремляется исследователь, бродящий по

болоту предположений. В отношении лишь нескольких строчек есть уверенность: Уильям был здесь!

Не загадка ли это? О нем ничего неизвестно — и поэтому о Шекспире знают больше, чем о любом другом знаменитом авторе, о котором имеется масса свидетельств. Существует столько Шекспиров, сколько имеется его биографий. Сама жизнь драматурга — это самая лучшая его драма, допускающая любые инсценировки и смотрящаяся при этом с неослабевающим вниманием.

Впрочем, ясно только одно: у Шекспира было так много возможностей рассказать о том, кем он был на самом деле, — он мог бы, например, писать письма, снабдить книжки своих сонетов биографическими данными или издать с предисловием свои пьесы, — что напрашивается один вывод: ему была совершенно безразлична шумиха вокруг его имени.

Акт I

СЕЛЬСКИЙ ОЛУХ

СТРАТФОРД-ОН-ЭЙВОН — городишко, в котором утки по-прежнему пле-

(Окончание см. стр. 14—15).

За рубежом, -1994. - 22-28 апр. (№ 16) - с. 14-15.

Загадка Шекспира

Стратфорд-он-Эйвон. Сохранившийся уголок средневекового города, где родился Шекспир.

Фото «Цайт-магазин», Гамбург.

(Окончание. Начало см. стр. 1).

щутся в реке, которая, все так же извиваясь, протекает по городской окраине, как и во времена Шекспира. На берегу Эйвона огромное здание из красного кирпича — Королевский шекспировский театр, неподалеку церковь, шпили которой отражаются в медленно струящейся воде. В ней Шекспира крестили и здесь же похоронили.

Центр Стратфорда состоит из четырех довольно больших улиц с ветхими одноэтажными строениями в стиле эпохи Тюдоров. Дома, река, церковь, мост — все это осталось таким же, каким было 23 (?) апреля 1564 года, в день рождения Уильяма Шекспира. Узенький дом, в котором, как гласит легенда, он родился, и поныне стыливо и скромно стоит среди других домов на Хенли-стрит. Слово предугадать, что даже они однажды станут Меккой туризма, сохранились здание муниципалитета и принадлежащая ему школа, в которой маленький Уильям протирал штаны на узких жестких скамьях.

В этом городе таятся истоки литературных тайн. Здесь можно вдохнуть влажный теплый воздух Уорикшира, прогуляться по бескрайним лугам и полям, полюбоваться туманами и прислушаться к ночному кряканью уток. Все это слышал и видел когда-то Шекспир.

Он был сыном перчаточника Джона Шекспира, женившегося на младшей дочери состоятельного горожанина Мэри Арден и благодаря этому вошедшего в число самых уважаемых людей

города, а тем самым и в сонм почтенных членов муниципалитета. Джон послал сына в единственную школу города, обучение в которой состояло прежде всего из молитв, зубрежки латыни и грамматики. Уильям заучивал наизусть Овидия, вырезал, подобно другим, свои инициалы на темной древесине кафедр, а после школы стремглав мчался на улицу, где меси-ли грязь люди, коровы и куры.

Чем Уильям занимался после окончания школы, неизвестно. Одни говорят, он работал на отцовском предприятии, другие утверждают, что он был учителем и даже помощником адвоката. Но все это досужие сплетни. Единственное, что установлено точно, — в 18 лет Уильям обязан был жениться на Энн Хетеуэй, которая была на восемь лет старше его. В те времена она считалась более чем перерезлой девушкой, и каждый шекспировед в свое время поразмышлял над тем, был ли Уильям застенчивым прыщаватым юнцом, мечтательным, не умудренным жизнью, соблазненным лунной ночью решительной старой девой? Или, напротив, он был юным развратником, уломавшим почтенную Энн медоточивым голосом будущего сочинителя сонетов? Во всяком случае, 27 ноября 1582 года они поженились, а уже 26 мая 1583 года в церковной книге была сделана метрическая запись о рождении скандальным образом зачатой дочери Сьюзен. Два года спустя в семье вновь пополнение: близнецы Хэмнет и Джудит. И опять биографы дают волю фантазии. Трое маленьких детей, пожалуй, не слишком привлекательная жена, к тому же ярая пуританка, строго относящаяся ко всем радостям жизни, включая и театр.

На отца Уильяма свалилось множество материальных забот: ему пришлось продать землю, отдать под залог дома, он залез в долги и больше не появлялся в муниципалитете. Немудрено поэтому, что через какое-то время его вычеркнули из списка его членов. Вся семья, включая, возможно, сестер и брата Уильяма, ютилась в маленьком доме, где на него обрушился шквал упреков в беспутности и безделье. Он потихоньку браконьерничает, об этом будут впоследствии шептаться создатели недостоверных легенд, часто бывает пьяным и спит иногда, не дойдя до дома, под какой-нибудь яблоней. А может, он просто погружен в мечты и потому неопределенно улыбается, когда должен по настоянию семьи брать за какое-то дело? По крайней мере достоверно известно одно: в один прекрасный день все это Уильяму Шекспиру надоело. Он покидает дом, решив отправиться в Лондон.

С собой он берет природу Стратфорда, тишину полей и лугов. Эти пей-

зажи неожиданно появляются в его пьесах, появляются мимолетно брошенными мазками, придающими прелесть и неповторимое очарование его произведениям.

Акт II ГОРОДСКОЙ СОЧИНИТЕЛЬ

Лондон... Смердящий молох, полный автомобильного шума и выхлопных газов, в котором прогулка по Пикадилли в иные дни может стать истинным наказанием. Попасть в Лондон из провинции — это сильный шок сегодня, и во времена Шекспира он действовал не менее одуряюще. Потому-то нет биографа, не задержавшегося бы на этом переломном моменте в жизни Шекспира, описывая тогдашнюю английскую столицу.

...Шумно. Крики торговцев, грохот проезжающих экипажей, топот и ржание лошадей, ругань окатываемых грязью прохожих. У городских ворот на высоких шестах — головы казненных, вокруг которых кружатся стаи ворон. Тут же раздаются крики проституток — их наказывают плетью палачи. Последние столь искусно вырезали из тела преступника сердце, что он еще мог увидеть перед смертью бьющийся кусок своей плоти. То был жестокий город, полный тем не менее юмора и споров — что не в последнюю очередь объясняется тем, что пиво в те времена употреблялось вместо чая: утром, днем и вечером оно в огромных количествах исчезало в желудках лондонцев.

Это был город, имеющий прочную международную репутацию. Все страны слали своих представителей в полный блеска двор Елизаветы I, славной королевы «девственников» (любовные похождения которой были в Лондоне у всех на устах). Она приумножила славу Англии победоносными войнами и так долго вела политический торг своей так называемой девствен-

ностью, что стала слишком стара для того, чтобы забеременеть.

Шекспир, надо полагать, как губка впитывал в себя блеск королевского двора и грязь лондонских улиц, споры в пивных и нежные звуки мадригалов, восторг толпы во время столь любимых ею публичных казней и суевенный страх перед падением комет, предвещавшим конец мира или чуму. Вскоре эти впечатления переполнили его: через 5 лет после последнего упоминания в стратфордских хрониках его имя вновь появляется в документах, но уже в качестве актера и известного в Лондоне автора пьес для театральной труппы «Квинс мен» — «Мужчины королевы», потому что в то время играть в театре разрешалось только мужчинам, исполнявшим и женские роли.

Актеры считались не слишком уважаемыми людьми, но любовь облагораживает, а лондонцы любили театры на южном берегу Темзы с той лютотой преданностью, какую обнаруживали и в иных случаях: они шли на представления, как сегодня идут на рынки, любили смотреть пьесы, щекоющие нервы подобно нынешним триллерам, пьесы, изобилующие остроумиями, действиями и кровью. Если им становилось скучно, они шли либо смотреть на травлю медведей, разрываемых собачьей сворой, либо к конкурентам — в другой театр.

Актеры были бесправны, если только не имели покровителя. Среди поклонников театра встречалось немало благородных людей, даже сама королева приглашала труппы играть при дворе. Она снизошла до того, что присвоила любимой ею труппе свое королевское имя. Им было разрешено называть себя «Квинс мен». Среди них был и провинциал Шекспир. В качестве актера, рабочего сцены, автора пьес, словом, мастера на все руки. Он так «насолит» своими талантами пользовавшемуся меньшим успехом дра-

Сенсационная версия о том, что Шекспир был шпионом, переполнила литературу «много шума из ничего». Рисунок Ханси Толфорд.

Тайный агент Ее Величества?

Анна де КУРСИ

«УИКЕНД», ЛОНДОН.

У КАЖДОГО времени есть свои загадки. Вспомним о тайне Джека-Потрошителя, о фантастических домыслах вокруг убийства президента Кеннеди и обстоятельствах смерти Мэрилин Монро. Теперь пришел черед говорить о Шекспире.

Два автора — Грэхэм Филлипс и Мартин Китман — в вышедшей в марте книге «Тайная сторона жизни Шекспира» утверждают, что самый прославленный писатель мира был агентом секретной службы королевы Елизаветы. Для барда с берегов Эйвона его театральная деятельность была ширмой, считают Филлипс и Китман, а свое жалованье тайного агента он «отмывал», ведя прибыльную торговлю зерном в своем родном Стратфорде-он-Эйвоне.

Поддайте скептический смех, готовы сорваться с ваших губ, и проанализируйте представленные авторами доказательства этой версии. Некоторые из них невозможно опровергнуть, другие хотя и косвенны, но тем не менее достаточно убедительны, осталь-

ные носят гипотетический характер.

По мнению авторов, любое исследование, посвященное Шекспиру, это своего рода золотая жила, поскольку в действительности нам известно о нем чрезвычайно мало, а многое из того, что, по нашему убеждению, мы знаем о нем, не более как вымысел.

Широко известное скульптурное изображение — бюст Шекспира с пером и свитком в руках, установленный в церкви Святой Троицы в Стратфорде, — был выполнен через сто лет после его смерти. А гравюра шекспировских времен с изображением первоначального памятника (она имеется в изданном сэром Уильямом Дарделлом альбоме «Антикварные ценности графства Уорикшир, 1656 год») создает совершенно иное впечатление. На ней руки Шекспира покоятся на мешке. «Поскольку согласно традиции требовалось показать профессию того, кому установлен памятник, не исключено, что в Стратфорде Шекспир был известен не как литератор, а как торговец зерном, — говорит один из авторов. — Как гласят архивы Стратфорда, он зарабатывал деньги именно таким образом».

Вкратце суть авторской версии такова. Кристофер Марло и Энтони Ман-

ди, его коллеги-драматурги, вовлекли Шекспира в разветвленную сеть агентов и осведомителей, являющуюся частью политической и бюрократической системы того периода. Сначала он был в группе воинствующих атеистов, возглавлявшейся сэром Уолтером Ралеем, а позже работал на сэра Фрэнсиса Уолсингема, протестанта-пуританина и одного из главных министров королевы Елизаветы.

В конце 80-х годов XVI столетия Фрэнсис Уолсингем привлечен некоторых английских драматургов к работе в качестве тайных агентов и осведомителей. По мнению одного из авторов книги, Шекспир принадлежал к их числу и был тайным агентом и курьером, действовавшим под именем Уильяма

Холла. Этим объясняется отменное знание культуры других стран, которое обнаруживается во многих его пьесах.

Допустим, что это так. И все же надо иметь очень богатое воображение, чтобы предполагать, что Шекспир — самый плодовитый драматург своего времени (за период с 1588 по 1611 год им написано 37 пьес и 154 сонета) успевал еще и работать на шпионскую сеть, охватывающую полмира. И почему именно это имя — Уильям Холл?

Уильям Холл постоянно фигурирует в документах Уолсингема, относящихся к 90-м годам, и каждый раз его имя как-то связано с именем Шекспира, пишет Филлипс. Так, в одном случае речь идет о посвящении на книгу шекспировских сонетов издания

матургу Роберту Грину, что тот сочинил на него памфлет, найденный после его смерти в 1592 году и сразу же опубликованный хитрым издателем (скандал уже тогда можно было запросто превратить в звонкую монету). В нем шла речь об «охваченной манией величия вороне», ридившейся в чужие перья, о выскочке, выдававшем себя за лучшего драматурга страны, о настоящем «потрясателе сцены».

Бедный Грин! Потомки не согласились с этим его суждением. Они сделали из памфлета лишь позитивный вывод: Уильям Шекспир был уже столь известен, что его имя можно было использовать в островах, понятных публике.

Дремавший гений наконец проснулся, но до сих пор остается спорным, какие пьесы Шекспир написал вначале, время их создания, является ли дошедшее до нас первоначальным вариантом. Вероятно, нет — в театре того времени существовала такая практика: драматург театральной труппы брал уже известное произведение (переработка старых пьес отнюдь не считалась предосудительным делом), писал на его основе пьесу, теряя в то же время все права на нее. Пьеса становилась собственностью труппы, которая «подгоняла» ее под пригодное для театра произведение, называвшееся «оригиналом». От Шекспира до нас не дошло ни одного «оригинала», зато есть много украденного.

Первыми произведениями Шекспира, вероятно, были исторические хроники «Генрих IV» и «Ричард III», пользовавшиеся тогда успехом. Особенно популярен был «Ричард III», считавшийся лучшей пьесой сезона. Вся труппа ликовала, но внезапно в Лондоне разразилась чума, и театры были закрыты. Тем временем труппа, переименованная в «Лорд Чемберленс мен», вынуждена была играть спектакли в сельской местности. Шекспир же остался в городе, погружившись наконец в «настоящую поэзию»: в 1593 году появилась высокопарно-чувственная поэма «Венера и Адонис», посвященная автором графу Саутгемптонскому; в 1594 году — «Обещанная Лукреция», имевшая небывалый успех среди аристократической публики, также посвященная графу. Они сошлись близко, насколько близко — опять-таки относится к сфере домыслов и сплетен. Их отношения были чисто прагматическими, утверждают одни; они были друзьями, твердят другие, потому, мол, Шекспир был столь близок к дворянству, так хорошо знал придворные интриги и дворцовый этикет.

В 1594 году театры вновь открылись, и Шекспир опять стал писать «серьезные» вещи, то есть пьесы: «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Ричард II», «Венецианский купец», «Укрощение строптивой», «Виндзорские проказницы» — Шекспир писал одну гениальную пьесу за другой, работал как одержимый. Между делом он не только сочинял сонеты, но и играл на сцене, будучи уже

«Ромео и Джульетта» на протяжении веков: одна из классических постановок (на снимке внизу) и современное прочтение той же сцены в драматическом театре Мюнхена.

«Бунте», Мюнхен.

совладельцем театра, для которого писал свои пьесы. В 1594 году владелец театра Бербедр преобразовал его в своего рода товарищество, актеры стали акционерами, и теперь от них самих зависело, сколько они заработают. Экономии ради почти все они делали сами, и Шекспир в качестве главного драматурга труппы более всего. Утром репетиции новой пьесы; в полдень — подготовка к спектаклю, начинающемуся в два часа (в пять он должен был закончиться, чтобы зрители еще засветло сумели добраться до дома), затем нужно было убраться, собрать куринные кости со сцены, проверить наличие костюмов, расставить по полкам забытые пивные кружки... Пьесы зачастую ставились под открытым небом, зрители стояли перед сценой и, поскольку не было антрактов, закусывали прямо во время представления.

К семи Шекспир возвращался домой и садился за письменный стол. Судя по всему, писал он легко и быстро. Для личной жизни у него почти не оставалось времени, если не считать, что у него была любовница, Смуглая дама из его сонетов. Шекспир в Стратфорде был женат на Энн, а в Лондоне — на театре. Одержимый работой, он, видимо, знал, чего хотел: добиться успеха, заработать деньги.

Часто спорят над тем, почему имя Уильяма Шекспира не упоминается в письмах и дневниках аристократов того времени, хотя его труппа выступала при дворе, а сам он сочинял сонеты по заказу высокопоставленных покровителей. Вероятно, у драматурга не было времени для светской жизни — или желания этим заниматься. Он не хотел иметь большой гостеприимный дом. Несмотря на то что деньги у него были, Шекспир жил в довольно убогой обстановке, в двух комнатах, которые снимал, но зато вкладывал средства в недвижимость.

Может быть, он лишь хотел обеспечить семью и себя в старости или на случай болезни, которую уже чувствовал в себе. Ведь в ту эпоху люди не доживали до преклонного возраста, у 33-летнего мужчины лучшие годы уже были позади. Где-то в 1600 году — возраст Шекспира приближался к 40 — у драматурга произошел жизненный и духовный кризис, явственно ощутимый в его произведениях. Шекспироведы называют его «пессимистическим периодом», именно тогда драматург написал свои самые грандиозные трагедии: «Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Король Лир»; комедии, скорее близкие к трагедии, такие, как «Мера за меру», «Как вам это понравится»; пьесы «Зимняя сказка» и «Буря». Пьесы, полные причудливого бреда и мрачного юмора, переполненные поэзией, выдающей в любви только слезы и не знающей верного решения трагедии, возвущая жизнью.

Исследователи пытались выяснить причину подобного настроения Шекспира. Смерть единственного сына Хамнета в 1596 году, смерть отца в 1601-м, смерть королевы Елизаветы в 1603 году, с которой ушла целая эпоха, многочисленные бессмысленные войны — считают одни. Шекспир обрел наконец своего философа, отточенного его видение мира — Монтеня,

который как раз тогда и был переведен на английский, — думают другие. Эти причины таятся не только в конкретном человеке, они таятся в эпохе. Кто же будет отделять одно от другого?

Публика, во всяком случае, с недоумением восприняла новое настроение Шекспира. Успех имели только «Отелло» и «Макбет», другие же пьесы были написаны уже как бы не для обычного театра, который в 1599 году был переименован в «Глобус», а для театра, который и поныне все еще зовется миром, о котором Уильям Шекспир писал: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры».

Наступил момент — а было это году, может быть, в 1611-м, когда Шекспир устал. Он возвратился (когда — точно не известно) в Стратфорд. Его, вероятно, последняя пьеса «Генрих VIII» была написана в 1611 или 1613 году. Затем — молчание. В 1613 году театр «Глобус» сгорел со всеми хранившимися там рукописями и пьесами Шекспира, что послужило лишь подтверждением того, что за созданием всегда следует разрушение, бессмысленное и бесцельное.

ЭПИЛОГ

Что рассказать о Шекспире на poco? Он возился в саду, ссужал деньги, судился с должниками, радовался семейному счастью старшей дочери Сьюзен, сердился на младшую Джудит и держал нейтралитет с женой. Во всяком случае, об этом свидетельствует завещание, написанное им в 1616 году. Уильям Шекспир умер 23 апреля 1616 года в возрасте 52 лет. В свое время он был знаменитостью, а в наше уже стал легендой.

В начале XVIII века гений превратился в литературную святыню, а Стратфорд — в Мекку приходящих в священный трепет паломников. Они извели яблоню, под которой он якобы когда-то спал, отламывая от нее ветки и ветки, пока ее жалкие остатки не были выкорчеваны и из них не сделаны табакерки. Словом, Шекспир все-таки был в Стратфорде реальной фигурой.

Но в то же время он был призраком. Этот деревенский сорванец, необразованный крестьянин, не знавший даже греческого, не говоря уже об итальянском и французском, не имевший понятия о географии, сочинил эти гениальные пьесы? Образованные обыватели, словно одержимые, выдумывали других, более вероятных авторов. По их мнению, подлинным автором был государственный деятель и философ Фрэнсис Бэкон. Или граф Саутгемптонский. Или граф Оксфордский. Или Кристофер Марло, умерший будто бы только в 1593 году. Или Бенджамин Джонсон. Всего же насчитывается 16 претендентов на шекспировское наследие, в пользу которых с большей или меньшей долей вероятности подсылались разнообразные свидетельства.

В реального же Уильяма Шекспира верили, как ви смешно, его современники. Например, его коллега Бен Джонсон, написавший на смерть Шекспира учтивый некролог, да и все актеры труппы. Через несколько лет после смерти Шекспира один пронырливый издатель опубликовал его пьесы в таком искаженном виде, что актеры театра «Глобус», которым принадлежали авторские права на это наследие, обратившись в суд, выиграли судебный процесс. Двум из них затем коллектив театра поручил издать собрание сочинений Шекспира — задание, бывшее им явно не по плечу. Но они сделали все что могли — и за это потомки должны быть им благодарны. Если бы не было этого томика первого собрания сочинений, изданного в 1623 году, то, вероятно, были бы утрачены все следы произведений величайшего писателя нашей цивилизации.

В этом первом одномомнике была гравюра с изображением Шекспира, довольно беспомощно изготавленная 15-летним учеником художника на основе каких-то черновых набросков, которую, однако, Бен Джонсон похвалил как сделанную «по живой модели».

И это действительно был он, деревенский парень с красивыми глазами, холодно наблюдавшими за миром, страстный насмешник, которому Бог, как сказал однажды Гёте, дал язык, какого не дал никому. Кому же и это не кажется убедительным, пусть почитает Бернарда Шоу. Профессиональный насмешник нашел свое решение шекспировской проблемы: «Если эти пьесы написаны не Шекспиром, то тогда, вероятно, тем, кто чертовски похож на него».

1609 года — «тому, кто стоял у истоков прилагаемых сонетов — г-ну У. Х., с наилучшими пожеланиями...». Поскольку перед этим о сонетах говорилось, что они принадлежат перу Шекспира, то, следовательно, издатель, по-видимому, обращался к Шекспиру как к «г-ну У. Х.», — считает Филлипс.

Наиболее убедительное доказательство связи Шекспира с секретной службой заключается в том, что многие из его окружения были причастны к ней. Марло, безусловно, был вовлечен в эту организацию, и, возможно, это обстоятельство и явилось причиной его ранней смерти. Один из покровителей Шекспира, лорд Стрейндж, был, по-видимому, в числе тайных агентов и осведомителей. Именно он поставил в известность Уильяма Сесила о заговоре Хеккета — готовившемся антиправительственном восстании католиков.

И затем Манди. Единственный образец почерка Шекспира — надпись, сделанная им на тексте пьесы Манди. У него была репутация «гонителя епископов», поскольку он очень ревностно занимался выявлением тех из них, кто отступал от догм. Он настолько всерьез относился к своей службе тайного агента, что даже присутствовал на казнях.

Известно, что в 1597 году Шекспир настолько поправил свои дела, что смог приобрести Нью Плейс — второй по величине дом в Стратфорде. Однако Китман и Филлипс считают, что одна только литературная деятельность вряд ли могла достаточно обогатить его: «В декабре 1594 года за несколько пьес, на представлении ко-

торых присутствовала королева, ему было уплачено 20 фунтов стерлингов. В то же время секретная служба платила курьеру за два дня работы 15 фунтов — огромная сумма по тем временам». По мнению авторов, чтобы не поставить под удар собственную семью, Шекспир скрывал от стратфордцев свою лондонскую жизнь — деятельность, в которой он участвовал, носила весьма опасный характер.

Как летят искры от крутящегося огненного колеса фейерверка, так и основной авторский тезис — Шекспир был тайным агентом — плодит недоказуемые утверждения. Так, говорится, что Генри Перси, друг Ралея, имел в своем доме обширную библиотеку, и, когда в октябре 1599 года Шекспира разыскивали налоговые власти, они выследили его в Суссексе. Наверное, утверждают авторы, он читал в этой библиотеке книги и использовал ее как рабочий кабинет, где написал многие из своих пьес.

По мнению авторов, можно предполагать, что внезапная смерть Шекспира в 1616 году могла быть следствием отравления. «Ралея провел в тюрьме долгие годы и попал туда в результате интриг Уильяма Холла», — пишет Грэхэм Филлипс. «Если Шекспир и Уильям Холл действительно одно и то же лицо, то причина отравления ясна. Шекспир умер вскоре после освобождения Ралея из Тауэра, где тот провел 13 лет».

Авторы книги не являются ни профессиональными учеными, ни историками. Китман специализируется по средствам массовой информации и имеет ученую степень. Филлипс («я — са-

моучка») также читает лекции по теории массовой информации. «Исторические тайны нас интересуют как любителей». Так что же, пять лет, которые они затратили на исследование, работа по 15 часов в сутки, в итоге дали лишь ряд интригующих совпадений?

Эндрю Гарр, профессор университета, охотно соглашается с тем, что Кристофер Марло, вполне вероятно, был вовлечен в тайную сеть агентов и осведомителей, на которой зиждлась бюрократическая машина Тюдоров. «Не исключено, что Бен Джонсон также был осведомителем. Энтони Манди, без сомнения, являлся тайным агентом. Однако невозможно привести какие-либо веские аргументы в поддержку тезиса о принадлежности Шекспира к шпионской сети». Что же касается инициалов «У. Х.» в посвящении на шекспировских сонетах, то, по мнению профессора Гарра, под ними может скрываться кто угодно.

Однако наиболее убедительный аргумент против версии двух авторов, считает профессор Гарр, — это полное отсутствие у Шекспира свободного времени. В отличие от Марло он не только писал пьесы. Каждое утро он участвовал в репетициях, каждый вечер выходил на сцену — и это шесть раз в неделю — и, кроме того, выезжал на гастроли за пределы Лондона.

Однако авторы книги не делают своих позиций. «Мы не утверждаем, что наши выводы бесспорны. Однако нам удалось обнаружить многое, что вызывает вопросы. Мы хотим, чтобы дискуссия о Шекспире была продолжена».